

А.Я. ЯКОБСОН*, Н.В. БАЦЮН**, М.В. ВИХОРЕВА*

*Иркутский государственный университет путей сообщения,
664073, Иркутск, ул. Чернышевского, 15, Россия, anatoliy.jakobson@gmail.com, vmv2000@mail.ru**Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664073, Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия, nbatsun@mail.ru

ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ И ЭКОЛОГО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИРКУТСКА

Предпринята попытка путем конкретного экономико-географического анализа эмпирически обогатить теоретические представления об экономико-географическом положении городов. Показано, что важнейшая составная часть мониторинга экономико-географического положения — анализ эколого-географического положения города, причем для г. Иркутска он представляет самостоятельный интерес. Данный анализ на фоне экономико-географического положения производился полимасштабно, поскольку в разных масштабах и то, и другое выглядит по-разному. Исследованы следующие масштабы: глобальный, всероссийский, Ангара-Енисейского и Байкальского регионов, юга Иркутской области. При этом два варианта районирования Восточной Сибири не противопоставляются друг другу, а рассматриваются как равноправные, выделяемые для разных целей и по-разному формирующих географическое положение Иркутска. Что же касается юга области, то обосновывается его выделение как особой географической системы и самостоятельного объекта исследования. Неотъемлемая часть проведенной работы — рассмотрение рекреационно-географического положения с позиции традиций отдыха горожан — как отдыха выходного дня, так и многодневного туризма, что порождает разные масштабы и несколько отличающиеся друг от друга представления о географическом положении. В анализ включен исторический момент: показано, как в относительно недавнем прошлом Иркутск стал местом нестандартной политической активности, которая связана с осознанием его эколого-географического положения, сформированным на базе очевидного рекреационно-географического. Приведены результаты социологического обследования среди молодежи, показавшего, что зачатки такого осознания имеют место и сейчас, однако оно в значительной степени ослаблено по сравнению с 1980-ми гг.

Ключевые слова: оз. Байкал, регион, рекреационно-географическое положение, полимасштабность, экологическое сознание, экологические движения.

A.Ya. YAKOBSON*, N.V. BATSYUN**, M.V. VIKHOREVA*

*Irkutsk State Transport University,
664073, Irkutsk, ul. Chernyshevskogo, 15, Russia, anatoliy.jakobson@gmail.com, vmv2000@mail.ru**Irkutsk National Research Technical University,
664073, Irkutsk, ul. Lermontova, 83, Russia, nbatsun@mail.ru

ECONOMIC-GEOGRAPHICAL AND ECOLOGICAL-GEOGRAPHICAL LOCATION OF IRKUTSK

An attempt is made to empirically enrich the theoretical ideas of the economic-geographical location of cities by means of an individual economic-geographic analysis. It is shown that the most important component of monitoring the economic-geographical location implies analyzing the ecological-geographical location of a city, and for the city of Irkutsk it is of special interest. This analysis was carried out in the context of the economic-geographical location and in a multi-scale manner, because both look different at different scales. The following scales were studied: the Global scale, the All-Russian scale, the scales of the Angara-Yenisei and Baikal regions as well as the south of Irkutsk oblast. The two variants of regionalization of Eastern Siberia are not opposed to each other but are considered as equal, allocated for different purposes and forming the geographical location of Irkutsk in different ways. As for the south of the Oblast, its allocation as a special geographical system and an independent object of research is justified. An integral part of the research done involves examination of the recreational-geographical location in terms of the traditions of the citizens' recreation: both weekend recreation and multi-day tourism, which gives rise to considering different scales and slightly different ideas of the geographic location. The analysis includes a historical context: it shows how in the relatively recent past Irkutsk became a place of non-standard political activity, which is associated with public awareness of its ecological-geographical location, formed on the basis of the obvious recreational-geographical location. The article

presents the results of a sociological survey among young people, showing that the rudiments of such awareness are still present, but it is largely weakened compared to the 1980s.

Keywords: Lake Baikal, region, recreational-geographical location, multiscale, ecological awareness, ecological movements.

ВВЕДЕНИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Понятие экономико-географического положения (ЭГП) — одна из фундаментальных идей советской экономической географии. Введенное Н.Н. Баранским [1], оно хорошо известно и вряд ли нуждается в разъяснениях. Это понятие оказалось весьма плодотворным для анализа конкретных экономико-географических объектов, как показала давно уже ставшая классической работа И.М. Маергойза [2], а впоследствии и множество других (среди которых отметим монографию сибирских географов В.М. Булаева и А.Н. Новикова [3]). Но теория понятия все еще мало разработана. У Н.Н. Баранского, основоположника концепции, находим четкое определение, схему анализа, гениальные догадки о полимасштабности и историчности ЭГП, кстати, блестящий и лаконичный анализ ЭГП именно Иркутска (наряду с другими городами), но и только. Авторы данной статьи тоже не претендуют на то, чтобы дать, наконец, ясную и непротиворечивую формулировку теории, пройдя по традиционному (от И.М. Маергойза до В.М. Булаева и А.Н. Новикова) пути конкретного анализа, стараясь лишь далее эмпирически обогатить теоретические представления.

Прежде всего, стоит опираться на хорошо известное положение о том, что как по отношению к географическому положению ЭГП представляет собой частный случай или разновидность, так и разновидностями же (частными случаями) ЭГП являются транспортно-географическое положение, ресурсно-географическое, рыночное (по отношению к рынкам сбыта), демографическое (по отношению к населенным пунктам и другим скоплениям населения), военно-стратегическое, рекреационно-географическое (по отношению к местам отдыха, к туристическим объектам и т. п.) и, по-видимому, многие другие.

Насколько известно, такое понимание сложилось постепенно и, как и многое другое, теоретически не обосновывалось.

Введем еще одно частное понятие — эколого-географическое положение (ЭлГП). Собственно, оно было впервые употреблено Н.Н. Клюевым в 1995 г. применительно к России [4], затем им же в докторской диссертации [5] — к России и ее регионам, а также в дальнейших работах [6, 7]. Позже оно было использовано и развито в 2013 г. Л.М. Корытным и Е.В. Потаповой [8], использующими также термин «экологическое положение».

Под обобщающим понятием «эколого-географическое положение геосистемы» Н.Н. Клюев понимает «ее положение на Земле относительно экологически важных свойств пространства. Эколого-географическое положение региональной системы, в качестве которой может выступать и страна, определяется комплексом признаков, которые можно сгруппировать следующим образом: 1) экологические функции региона в глобальной геосистеме; 2) устойчивость природной среды региона к антропогенным воздействиям; 3) источники экологической опасности, внешние по отношению к данному региону; 4) природные и антропогенные «каналы» и «барьеры» распространения экологической опасности, свойства природной среды передавать и трансформировать антропогенные изменения природы и их последствия» [7, с. 168].

Л.М. Корытный и Е.В. Потапова считают, что экологическое положение России включает «три позиции: место страны на экологической карте планеты, а также внешние и внутренние угрозы ее экологической безопасности» [8, с. 338]. Однако в их тексте находим и более удачное, с нашей точки зрения, определение: «Подверженность территории страны внешним экологическим угрозам определяется ее географическим положением — положением относительно зарубежных источников экологической опасности, «каналов» и «барьеров» ее распространения» [8, с. 441]. Здесь самое ценное — слово «относительно», без которого, как представляется, вообще нельзя говорить об ЭГП.

Цель статьи — «приложить» указанное понятие к масштабу города, при этом имея в виду положение относительно географических объектов, экологически значимых с точки зрения данного объекта (города).

Последнее может означать следующие объекты:

— связанные с угрозами для природной среды города (так, для Москвы это пожароопасные торфяники Подмоскovie, для Петербурга — грозящий наводнениями Финский залив, для Киева — зона Чернобыльской АЭС, для Нью-Йорка — Атлантический океан, порождающий катастрофических масштабов ураганы, и т. д.);

- находящиеся под угрозой из-за экономической деятельности в городе, причем не только промышленной, но иногда и управленческой;
- ментально связанные с сознанием и традициями жителей города (таков, например, Арарат для жителей Еревана);
- участвующие в формировании социальной среды города (например, традиционные места отдыха жителей, возможно, источники экологически чистой продукции).

Отсюда, понятие ЭлГП города, видимо, может быть расширено за счет, с одной стороны, включения уже достаточно традиционного рекреационно-географического положения, с другой — рассмотрения, наряду с привычным пониманием экологии, также экологии культуры, прежде всего этнической. Обе эти концепции достаточно хорошо известны [9, 10].

Очевидно, что при рассмотрении в разных масштабах ЭлГП будет неодинаково. Так, Подмосковье важно для Москвы с самых разных точек зрения, в том числе и неэкологических, хотя в масштабе России, в целом Евразии и мира Москва, скорее, может рассматриваться как центр научной и образовательной деятельности, а также центр принятия административных решений для всей страны, а Подмосковье как бы не отделяется от нее.

Мы, используя как узкий, так и расширенный подход к ЭлГП, видим свою задачу в том, чтобы полимасштабно [11] проанализировать ЭГП Иркутска с точки зрения выявления в нем элементов ЭлГП.

В качестве рабочей гипотезы принято, что для Иркутска ЭлГП это, в первую очередь (хотя и не только), положение относительно такого уникального природного объекта, как оз. Байкал. Из четырех приведенных нами критериев отнесения объекта к экологически значимым для данного города три, очевидно, касаются Байкала. Впрочем, если принять во внимание опасность землетрясений, порождаемых в Байкальском рифте, то и четвертое тоже важно.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Экономико-географическое положение Иркутска в глобальном масштабе. Для анализа ЭГП Иркутска применим два совершенно различных, но хорошо дополняющих друг друга подхода. Во-первых, оценить ЭГП в этом масштабе помогает простой взгляд на очень мелкомасштабную карту (или глобус); так поступают при изучении любого географического объекта. Во-вторых, можно использовать личный («полевой») опыт авторов. При общении с иностранцами очень часто приходится отвечать на естественный вопрос: «Откуда Вы?»

Ответ на него может звучать по-разному: из России, из Сибири, с Байкала, из Иркутска. Первый вариант — назвать страну — вполне корректен для представителя небольшого государства, но для жителя России недостаточно географически конкретен. Название «Сибирь» тоже нуждается в конкретизации, но к тому же и далеко не всем знакомо. Наиболее точное определение — город, но и оно может ничего не говорить собеседнику. Байкал же (как убеждает тот же личный опыт) более известен.

Конечно, и Байкал могут не все знать. Но в таком случае можно для разъяснения применить первый подход. Байкал обозначен на любой, самой мелкомасштабной карте мира. И Иркутск на этой карте, даже если он не показан, легко находится как город, расположенный рядом с Байкалом. Таким образом, это и будет ЭГП Иркутска в глобальном масштабе — у озера Байкал.

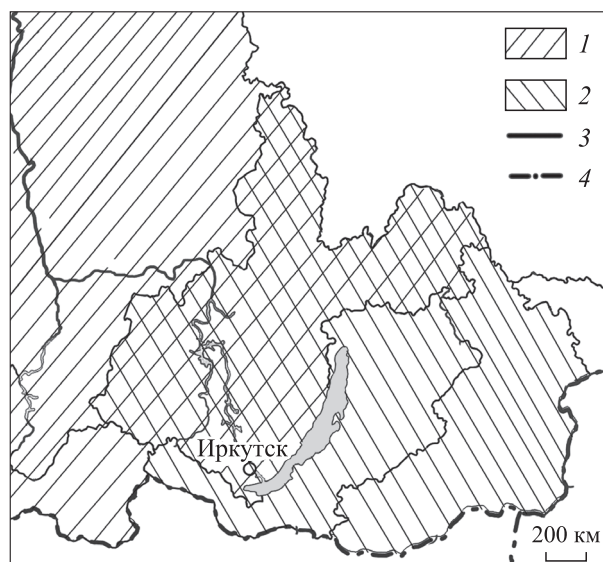
Но Байкал — это не просто большое и глубокое озеро. Это объект Всемирного наследия ЮНЕСКО, экосистема с особым статусом. Так что Иркутск в глобальном масштабе привязан к объекту, имеющему выдающееся экологическое значение, и его ЭГП включает в себя ЭлГП.

Экономико-географическое положение Иркутска в масштабе Евразии и России. В масштабе России (и Евразии) Иркутск, находящийся примерно посередине между Москвой и Тихим океаном, изначально был и остается, прежде всего, «мостом» между Европой и Азией. Отсюда веером расходятся маршруты: вверх по Ангаре, через Якутский тракт до Качуга и затем в Якутию, вниз по Лене, на север по Байкалу, на восток по Транссибу, как ответвление от этого маршрута — выход на Монголию и Китай через Улан-Удэ, Кяхту и Наушки, отдельный выход на Монголию в районе оз. Хубсугул, а также, как бы противопоставленный всем этим маршрутам, ведущий на запад Транссиб, не один век обеспечивающий движение товаров и социально-культурные связи с центром России.

Очевидно, здесь об ЭлГП говорить не приходится. Только в последние десятилетия XX в. многие россияне осознали ценность Байкала, что намного раньше произошло за рубежом (прежде всего, в Японии и США) [12–14]). Хотя в настоящее время это не стало причиной массовых поездок в Иркутск, однако позволило рассматривать данное направление при планировании путешествий.

Экономико-географическое положение Иркутска в региональном масштабе.

Регионы: 1 — Ангаро-Енисейский, 2 — Байкальский.
Границы: 3 — субъектов РФ, 4 — государственная.

Экономико-географическое положение Иркутска в региональном масштабе (Ангаро-Енисейский регион). Прежде всего, понятие «региональный масштаб» здесь далеко не однозначно (см. рисунок). Очевидно, что не имеет смысла обсуждать Восточно-Сибирский экономический район. То, что это понятие устарело, было ясно географам уже в 1960-е гг. [15]. Как и в случае с Сибирским федеральным округом, не включающим Тюменскую область, Республику Саха (Якутия), а теперь Забайкальский край и Республику Бурятия, его границы никто даже не пытался обосновать экономико-географическими соображениями.

Отдельно имеет смысл рассмотреть Ангаро-Енисейский экономический район (АЕР), который В.А. Кротов еще в 1950–1970 гг. предложил выделить как часть Восточной Сибири. Эта идея впоследствии широко использовалась не только ее автором и его школой [16], но и другим географами [17]. Хорошо известно, что этот район представлял собой типичный территориально-производственный комплекс на основе энергопроизводственного цикла [18]. Отметим роль Иркутска в АЕР, казалось бы, никак не обусловленную его ЭГП — на самой «окраине» региона. Именно здесь была построена первая ГЭС будущего каскада, который и лег в основу энергопроизводственного цикла. Г.И. Фильшин [19] отмечал особую роль Иркутской ГЭС в формировании Ангарского каскада, которое представляло собой тиражирование уже выработанных стратегий и использование человеческого, кадрового потенциала. По сути, Иркутск стал своего рода «идеологическим штабом» формирования АЕР.

Интересно также отметить, что строительство именно Иркутской ГЭС отражено в художественной литературе («Иркутская история» А. Арбузова [20], «Продолжение легенды» А. Кузнецова [21]) задолго до более популярной впоследствии Братской и в отличие от всех остальных.

Вначале идея АЕР была чисто производственной. Вопросы экологии учитывались лишь в виде общеобязательных природоохранных нормативов. Пожалуй, первым, кто обратил внимание на социально-экологические аспекты строительства ГЭС (Братской), был В. Распутин («Прощание с Матерой» [22]). Это был совершенно новый взгляд на последствия гидростроительства — трагедия затопляемых деревень, их жителей — коренного населения русской Сибири.

Уже в 1970-х гг. другая экологическая тема возникла в работах ученых — экономистов и географов. Наряду с уже ставшей традиционной проблемой загрязняющего воздействия промышленности Братска (и других городов), был поднят вопрос о несведенном и гниющем на дне Братского водохранилища лесе. Это было сделано, в первую очередь, в связи с анализом системы управления формированием ТПК в качестве аргумента, подтверждающего неэффективность отраслевой системы [23], при этом и чисто экологическое значение данной проблемы неоспоримо.

Появляется экологический аспект и при анализе другой составной части АЕР — Иркутско-Черемховского промышленного района [16].

В этих условиях именно Иркутск становится важным центром научных исследований и публицистических обсуждений экологических проблем. Однако формирующееся ЭлГП его скромнее, чем ЭГП, поскольку на Красноярский край, бассейн Енисея и Нижнее Приангарье (с во многом аналогичными проблемами) его организующая роль почти не распространяется.

Отметим, что при таком подходе на первое место выходит уже Ангара как природный объект регионального масштаба.

Экономико-географическое положение Иркутска в Байкальском регионе. Идея обособления Байкальского региона возникла во второй половине 1980-х гг. Сейчас уже трудно установить, кто впервые высказал эту мысль — в обстановке общественной активности того времени к ней не раз обращались в средствах массовой информации. При этом предлагался вариант основания так называемой Бай-

кальской республики, которой предстояло, по мнению общественных деятелей, стать первым регионом, образованным не по национальному, а по экологическому признаку. Формирование территории по данному принципу рассматривалось и серьезными учеными.

В научных работах Байкальский регион, разумеется, никогда не рассматривался как возможная союзная республика. Скорее, он выступал как нечто аналогичное Ангаро-Енисейскому региону. Хотя некоторые крупные специалисты разрабатывали по АЕР программные предложения, они (кроме, пожалуй, самого Кротова, а также — уже в XXI веке — М.А. Тараканова [24]) не противопоставляли два варианта районирования друг другу: и АЕР, и Байкальский регион могут рассматриваться как объекты разных программ, причем в случае последнего — с ярко выраженной экологической (или эколого-экономической) направленностью.

Интересно, что национальный (этнический) элемент в идее Байкальского региона все же присутствует. В его границы вписана этническая территория расселения бурятского народа. Это придает некоторую особенность экологической деятельности: во-первых, в число экологических проблем естественным образом включается экология культуры — сохранение и развитие культуры бурятского этноса; во-вторых, проблемы, связанные с Байкалом, приобретают особую остроту, поскольку для бурят озеро всегда было особо священным природным объектом.

ЭГП Иркутска в Байкальском регионе сильно отличается от ЭГП в АЕР. Здесь Иркутск расположен не в периферийном «углу» территории, а фактически в ее центре. Кроме того, это самый крупный город, который расположен около самого Байкала — «титulyного» объекта региона. Вместе с тем, здесь отчетливо просматривается конкурирующий центр — Улан-Удэ. Хотя и значительно уступая Иркутску по численности населения, этот город обладает таким преимуществом ЭГП, как местоположение в центре этнической территории бурят. Впрочем, это обуславливает особую функцию города, что затрудняет приобретение им статуса центра всего Байкальского региона с его разнообразными функциями. Что же касается третьего административного центра — Читы, то она вообще гораздо меньше связана с регионом.

От анализа роли Иркутска в экономике и культуре мы воздержимся ввиду ее очевидности.

Экономико-географическое и эколого-географическое положение Иркутска в южной части Иркутской области. Юг Иркутской области представляет собой специфическую территориальную систему [25]. Это территория, непосредственно тяготеющая к Иркутску. В нее входят Иркутская агломерация, более широкая система расселения: от г. Черемхово до границы области за г. Байкальском [25], а также периферия, включающая, по-видимому, Зиминско-Саянскую агломерацию, бывший Усть-Ордынский Бурятский автономный округ и Ольхонский район. Данная территория отличается от остальной области несколькими характеристиками:

- гораздо более высокой средней плотностью населения;
- относительно высоким уровнем развития непродовольственных, постиндустриальных функций: научно-образовательных, транспортно-логистических, рекреационных;
- большей остротой эколого-экономических проблем: именно потому, что здесь выше плотность населения, а также налицо тесные экологические связи (водо- и воздухообмен), обусловленные долиной Ангары и выходом ее на Байкал. Здесь на очень важный план выходит даже не столько Ангара как река, сколько именно долина, по которой ветры переносят загрязненный воздух Иркутска, Ангарска, Усолья-Сибирского в воздушный бассейн Байкала, а сама река несет загрязненную воду (от Иркутска и далее) в противоположном направлении.

В этом масштабе ЭГП Иркутска определяется, прежде всего, расположением не просто на Транссибе, а на транспортной полимагистрале, включающей железную дорогу, автодорогу и Ангару.

На ЭлГП Иркутска оказывает влияние наличие в окружающих его городах (Шелехов, Ангарск, Усолье-Сибирское) загрязняющих воздух промышленных предприятий. Вместе с этими населенными пунктами Иркутск входит в ареал, негативно воздействующий на Байкал.

Рекреационно-географическое положение Иркутска. ЭлГП Иркутска в Байкальском регионе (и особенно в южной части Иркутской области) прежде всего (хотя бы по времени) определилось как рекреационно-географическое (РГП). Иркутск издавна был обращен «лицом к природе», среди его жителей отдых на Байкале, в примыкающих горных и таежных местностях всегда был популярен.

Наиболее целесообразно начать анализ РГП Иркутска «снизу», с расположения дачных участков и маршрутов выходного дня (одно- и двухдневные походы за грибами, ягодами, на рыбалку и просто на прогулку по лесу). Здесь есть определенные закономерности. Дачи, садоводства и т. п. вокруг Иркутска, как и вокруг любого крупного города, расположены повсюду, но сосредоточены, главным образом, вдоль двух направлений: Байкальского тракта и Иркутского водохранилища, а также желез-

ной дороги и параллельного тракта, идущего на юг, с реками Иркутом и Олхой. Второе из этих направлений наиболее популярно и для маршрутов выходного дня, причем они весьма разнообразны и предполагают разную степень удаления от Иркутска. Но достаточно популярно и первое направление: оно связано с более пассивным отдыхом и ориентировано почти исключительно на конечный пункт — пос. Листвянку, обладающий более или менее приличной рекреационной инфраструктурой.

Иркутск расположен на расстоянии 60 км от озера, а точнее, от пос. Листвянки. Соединяющая два населенных пункта дорога имеет относительно высокое качество и служит «байкальским маршрутом» для горожан, а также для российских и иностранных туристов с 1960-х гг. Но настоящий бум туризма по этому направлению начался в 1990-е гг., продолжаясь и в настоящее время. За последние 20–30 лет в Листвянке была сформирована широкая сеть частных отелей и ресторанов, а также другая разнообразная туристическая инфраструктура (включая целый ряд частных музеев). Также стоит отметить, что именно в эти годы Листвянка превратилась в то место, где предпочитают жить многие представители иркутской интеллигенции (писатели, художники и т. д.). Ученые же живут здесь уже десятилетиями. В поселке активно функционирует Байкальский музей ИЦ СО РАН, который занимается исследованием экологических проблем озера Байкал. Музей издавна представляет собой дополнительный объект туристического интереса (и в этом плане частные музеи, открытые, кстати, теми самыми представителями интеллигенции, его дополняют). Но он одновременно усиливает представление об ЭлГП Иркутска.

Более высокий уровень рекреационной деятельности, требующий иного масштаба рассмотрения, — это серьезные туристические маршруты, а также организованный многодневный отдых.

Анализ РГП Иркутска в масштабе многодневного отдыха приводит к выводу о существовании здесь тех же двух основных направлений, но отчасти пересекающихся. Одно из них — это опять-таки оз. Байкал. Это направление дискретно, оно состоит из ряда объектов (от о. Ольхон и залива Малое Море до г. Байкальска) и связано главным образом с организованным отдыхом. Второе связано с автомобильной дорогой федерального значения А333 (Тункинский тракт), ведущей как к местам организованного отдыха в Тункинском районе Республики Бурятия, так и к горам Восточного Саяна и Хамар-Дабана, где развит горный туризм (но также и к туристическим объектам Южного Прибайкалья). Гораздо менее развито северо-западное направление (музеи Ангарска, курорт в г. Усолье-Сибирском).

Заметим, что в маршруты отдыха иркутян, а также едущих через Иркутск иногородних и иностранных туристов, практически не входит Забайкалье, где роль, аналогичную Иркутску, играет Улан-Удэ. Но Юго-Западная Бурятия, тяготеющая к Тункинской долине, в рекреационном отношении ближе именно к Иркутску.

Итак, РГП Иркутска определяется его положением относительно Байкала и гор Юга Восточной Сибири, причем стоит различать два тесно связанных, но различных явления: развитие Иркутска как центра туризма, в том числе иностранного, что влияет на его ЭГП и на перспективы эволюции его специализации, и традиции отдыха горожан, формирующие ЭлГП.

Эколого-географическое положение Иркутска как экологизация рекреационно-географического. В случае Иркутска, как уже говорилось, РГП представляет собой частный случай ЭлГП. Особенно ясно это проявилось в 1960-х гг. и далее, начиная с сооружения в г. Байкальске целлюлозно-бумажного комбината. Это был первый случай в стране, когда представители общественности (литераторы, ученые) в открытой печати выступили против осуществления индустриального проекта по экологическим соображениям [26]. Как известно, протесты не привели к отмене проекта. Но повлияли на его содержание, заставили построить уникальные очистные сооружения.

В дальнейшем до середины 1980-х гг. открытых протестов не было, хотя в научной среде не переставали обсуждаться варианты прекращения или смягчения загрязняющего воздействия комбината. А политические процессы второй половины 1980-х гг., известной как «Перестройка», почти сразу же вызвали мощное протестное движение — в форме как митингов, так и сбора подписей под петициями, причем протестующие требовали не только закрытия комбината, но и отказа от паллиативной меры — строительства трубопровода Байкальск–Иркут («трубы» для сброса стоков), что еще в 1960-х гг. виделось как большая уступка отрасли в пользу экологизации проекта [27].

В результате Иркутск на несколько лет превратился в один из самых политически активных городов в стране — наряду с Москвой, Ленинградом, Новосибирском и Свердловском. При этом спектр политических направлений был чрезвычайно широк: анархисты, коммунисты-демократы, демократы-антикоммунисты, либералы, националисты, монархисты. Собственно, то же наблюдалось и по всей стране, но спецификой Иркутска было то, что лидеры всех политических направлений начинали свою

деятельность в рядах экологического движения и только позже определялись с политическими предпочтениями (и лишь некоторые оставались «экологистами» в чистом виде) [28]. Данный аспект можно объяснить тем, что к 1980-м гг. массовое отношение к оз. Байкал основывалось уже на осознании не просто рекреационно-географического, но эколого-географического положения. И Байкал воспринимался как ценность регионального значения, причем в первую очередь — жителями областного центра.

Эколого-географическое положение и его субъективная ценность (социологический анализ). Утверждение относительно особого восприятия иркутянами Байкала как ценности, формирующей их повышенное экологическое сознание, представляет собой гипотезу, нуждающуюся в проверке. Ранее [29] нами уже применялся метод социологического опроса для анализа, близкого этому утверждению об уровне экологизации общественного сознания. Сейчас данное исследование было продолжено.

Весной 2020 г. проведен опрос по выявлению отношения респондентов к Байкалу и их информированности касательно экологических проблем, связанных с озером. В опросе приняли участие более 100 человек, в основном это студенческая аудитория трех иркутских вузов: Иркутского национального исследовательского технического университета, Иркутского государственного университета путей сообщения и Байкальского государственного университета. Большинство студентов были местные (Иркутская область), но часть (16 %) представляли другие территории: Бурятию, Амурскую область, Якутию, Томск, Татарстан, Туркменистан и даже Вьетнам.

Прежде всего в опросе выявлялся уровень экологической подготовленности опрашиваемых. У респондентов не вызвала никаких трудностей просьба назвать три главные экологические проблемы современности (первый вопрос). На эту просьбу откликнулись 100 % участников опроса, причем наиболее распространенные ответы — качество и количество питьевой воды и загрязнение отходами (мусором).

На второй вопрос об уникальности оз. Байкал (предлагалось назвать до трех признаков) ответили 97 % опрашиваемых. Лишь три человека затруднились с ответом, причем все они оказались местными жителями. 98 % назвали факторы, угрожающие сохранению байкальской экосистемы (третий вопрос).

Четвертый вопрос основывался на существующем и распространенном мнении, что сам воздух на Байкале целебен и способствует улучшению здоровья. С этим согласились 86 % опрошенных. При этом, хотя такой формулировки не было в вопроснике, но многие считают, что озеро представляет собой источник некой мистической природной силы. По нашим наблюдениям, особенно популярно такое восприятие у бурят, представителей коренного населения этой территории, хотя оно довольно характерно и для русских. Но эти наблюдения касаются людей старшего поколения, а целью опроса было узнать мнение молодежи.

Задачей еще двух вопросов было поощрить опрашиваемых к упоминанию Байкала. Пятый вопрос звучал так: «Если вам придется на Западе (Америка, Европа, Европейская Россия), объяснять, где вы учитесь, в каком городе, то как вы это сделаете?» Надо признать, что формулировка вопроса оказалась неудачной, далеко не все респонденты его правильно поняли. По ожиданиям организаторов опроса ответ должен был содержать информацию, схожую с трактовкой ЭГП Иркутска в глобальном масштабе. Тем не менее 52 % опрашиваемых среди характеристик своего города упомянули близость к Байкалу.

Отвечая же на следующий вопрос: «Если к вам в Иркутск приехал друг издалека, какие три достопримечательности вы ему покажете в первую очередь?», Байкал назвали 74 % участников опроса.

Седьмой вопрос был поставлен прямо: «Как вы думаете, экологическое сознание иркутян отличается от сознания жителей других городов?» В ответ 49 % подтвердили отличие сознания иркутян.

К сожалению, у респондентов вызвал затруднение ответ на восьмой вопрос: «Можете ли вы назвать хоть несколько имен людей, причастных к борьбе за чистоту Байкала?» Только 45 % смогли назвать конкретные имена. Причем, прослеживается зависимость наличия данных знаний от современного медиапространства, чаще всего звучала фамилия стилиста Сергея Зверева. Оказалось, что полностью забыты имена ученых, литераторов и журналистов, общественных деятелей, боровшихся против БЦБК и «трубы» в 1980-е гг.

Приходится признать, что социологический анализ не подтвердил нашу гипотезу, но и не опроверг ее. Байкал для молодых иркутян представляет интерес, они в большинстве осознают его ценность, однако это отнюдь не превратилось для них в осознанный фактор экологизации сознания. Видимо, для усиления понимания экологических ценностей и их связи с уникальным местом, где живут люди, нужна специальная воспитательная работа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленное исследование развивает заложенные Н.Н. Баранским [1] и И.М. Маергойзом [2] традиции исследования ЭГП конкретных городов, а также лежит в русле направления, в котором работают Н.Н. Клюев [4] и Л.М. Корытный [8] — анализа эколого-географического положения (ЭлГП). Последнее особенно актуально в свете современных тенденций экологизации общественного производства и в целом жизни общества. При этом особенность нашей работы состоит именно в применении концепции ЭлГП к масштабу города (а не страны). Как нам кажется, особенно важно было исследовать ЭлГП именно Иркутска, как города, связанного с уникальной экологической системой — оз. Байкал.

Перспективы дальнейших исследований видятся нам в следующих направлениях: развитии полимасштабного подхода в анализе ЭГП; работе по обоснованию южной части Иркутской области как самостоятельного экономико-географического образования и объекта особой стратегии развития, основанной, в частности, на специфике ЭГП и ЭлГП; более широком применении социологических методов в анализе ЭлГП; углубленном исследовании этнических аспектов ЭлГП; изучении совместно с историками процессов экологической активности в Иркутске.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранский Н.Н. Экономико-географическое положение // Избр. труды. Становление советской экономической географии. — М.: Мысль, 1980. — С. 128–159.
2. Маергойз И.М. Географическое положение города Сталинграда // Вопросы географии. — 1946. — Сб. 2. — С. 5–17.
3. Булаев В.М., Новиков А.Н. Географическое положение как предмет исследования конкретной территории. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН, 2002. — 140 с.
4. Клюев Н.Н. Эколого-географическое положение России // Изв. РАН. Сер. геогр. — 1995. — № 6. — С. 15.
5. Клюев Н.Н. Эколого-географическое положение России и ее регионов: Автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. — М.: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 1996. — 32 с.
6. Клюев Н.Н. Экологическое положение России // Переход к устойчивому развитию: глобальный, региональный и локальный уровни. Зарубежный опыт и проблемы России. — М.: Товарищество научных изданий «КМК», 2002. — С. 234–266.
7. Клюев Н.Н. Экологизация экономической географии. Новые представления // Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития: Материалы Междунар. науч. конф. — Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федер. ун-та, 2010. — С. 166–169.
8. Корытный Л.М., Потапова Е.В. Основы природопользования: Курс лекций. — Иркутск: Изд-во Ирк. ун-та, 2013. — 370 с.
9. Pearce D. Tourism Today: A Geographical Analysis. Second edition. — Harlow: Edinburgh Gate, 1997. — 204 p.
10. Pleumaron A. The political economy of tourism // Ecologist. — 1994. — Vol. 24, N 4. — P. 142–148.
11. Jakobson A., Blinow I. Multi-Scale Approach and «Playing Scalesin» Economic Geography // Wpływ kryzysu gospodarczego na przemian struktur przemysłowych. Impact of the Economic Crisis on Change of Industrial Structures. — Krakow: Wydawnictwo Naukowe AP, 2014. — S. 211–218.
12. Fisher D. New Era of Exploitation Roils Lake Baikal: Siberian «Sea» Serves Industry, Science and Tourism Era of exploitation for Baikal Lake // Los Angeles Times. — 1978. — 31 March. — P. d1.
13. Pond E. Tourism in Siberian «wilderness»: Far inland, Lake Baikal is site of visitor center // The Christian Science Monitor. — 1975. — 30 Apr. — P. 5.
14. Minoura K. Lake Baikal: A Mirror in Time and Space for Understanding Global Change Processes. — Amsterdam: Elsevier Science, 2000. — 348 p.
15. Кротов В.А. Проблемы экономического районирования Сибири и Дальнего Востока // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. — 1969. — Вып. 2. — С. 18–24.
16. Кротов В.А., Фильшин Г.И. Проблемы экономического развития территориально-производственных комплексов Иркутской области // Проблемы экономики Восточной Сибири. — Новосибирск: Наука, 1981. — С. 55–68.
17. Ишмуратов Б.М. Уроки и наследие советского экономического районирования // Административное и государственное-правовое развитие Сибири XVII–XXI веков. — Иркутск: МИОН-ИГУ, 2003. — С. 180–202.
18. Колосовский Н.Н. Основы экономического районирования. — М.: Госполитиздат, 1958. — 200 с.
19. Фильшин Г.И. Экономика Приангарья: проблемы и перспективы. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. — 208 с.
20. Арбузов А. Иркутская история. — М.: Искусство, 1969. — 61 с.
21. Кузнецов А. Продолжение легенды. — М.: Детгиз, 1958. — 208 с.
22. Распутин В. Прощание с Матёрой. — М.: Азбука, 2019. — 608 с.

23. **The Bratsk-Ilimsk Territorial-Production Complex: A Field Study Report** / Eds. H. Knop, A. Straszak. — Laxenburg: IIASA, 1978. — 373 p.
24. **Тараканов М.А.** Иркутская область в системе экономического районирования Восточной Сибири // География и природ. ресурсы. — 2015. — № 1. — С. 185–192.
25. **Лидин К.Л., Якобсон А.Я.** Мегалополис Черембайк // Проект Байкал. — 2006. — № 9. — С. 3–8.
26. **Слово** в защиту Байкала. Материалы дискуссии / Под ред. Б. Лапина. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987. — 270 с.
27. **Глейсел С.** Байкальская волна // Байкальская Сибирь: фрагменты социокультурной карты. — Иркутск: Изд-во Ирк. ун-та, 2002. — С. 225–231.
28. **Гольдфарб С.И.** Байкальский синдром. — Иркутск: Агентство «Комсомольская правда — Байкал», 1996. — 283 с.
29. **Якобсон А.Я., Лидин К.Л., Бацин Н.В.** Образы места и маркетинговое продвижение города (на примере Иркутска) // География и природ. ресурсы. — 2018. — № 4. — С. 150–157.

Поступила в редакцию 08.02.2021

После доработки 16.04.2021

Принята к публикации 24.06.2021
